

УДК 130.2:159.9

О.Н.Новикова

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

ЮРОДСТВО КАК СПОСОБ ИГРОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕБЯ МИРУ

В современной науке выдвинуто и доказано немало положений о значении игры в становлении человеческой культуры, ее роли в социализации, передаче накопленного опыта, адаптивных возможностей и т.д. С изменением социокультурной ситуации меняется не только сама игра как действие и качество, но и жизненные стратегии играющих, так как через игровое действие, как правило, проявляются жизненно важные цели человека. Изначальное игровое познание мира не только помогает с легкостью принять социальность, адаптироваться к определенным условиям, усвоить нормы и правила конкретного исторического процесса, но, главное, без видимых усилий изменяет как саму личность, так и окружающее пространство.

Невозможность предугадать наперед жизненные реалии (непредсказуемая русская природа не давала гарантий на хороший результат, несмотря на напряженный труд или социальную ситуацию), запланировать конкретный план действий и следование ему формировали мышление великоросса. Не рациональное, а интуитивное начало доминирует в логике поступков русского человека. Ярким примером самоопределения себя и способом презентации конкретной личности и эпохи является феномен юродства. Расцвет данного явления приходится на середину XV – первую половину XVII столетия, когда данный феномен получил широчайшее распространение. В исторической практике восточных и западных цивилизаций данный факт отсутствует, о чем свидетельствуют многочисленные исторические хроники.

Исторический феномен юродства – характерный признак национальной русской культуры. Понятие «юродивый» пришло на Русь вместе с принятием православия и в переводе с греческого трактовалось как «глупый, безумный». На Руси юродивыми, или блаженными считали людей, симулирующих безумство, эпатажирующих своим поведением окружающих: нагие или одетые в лохмотья, с тяжелыми веригами на теле, в шутовских колпаках и т.д.

Практика свидетельствует: юродивый – это тот, кто добровольно принимая на себя личину безумия (играя в него), скрывая от окружающих свое совершенство (интеллектуальное, нравственное, физическое), желает избежать суетной мирской славы, через «самоизвольное мученичество», маску, скрывающую добродетели. Как и православное монашество, юродивые добровольно отказывались от благ мирской жизни (нивелируя социальную статусность, имущество, кровное родство), но не отрекались от жизни в миру. Стремясь своим примером, делом, словом отвратить общину от греха, юродивые всегда были в гуще событий, в центре мира, общины, действий.

В феномене юродства уживаются два мира (реальный и горний), воплощенные в реальных и фантазмагорийных действиях. «Юродивый – это тот, кто следует иной ло-

гике, имеющей точку отсчета в абсолюте. На место законов этого мира он ставит законы мира небесного, на место я – Бога, на место ума – веру, на место сна – бодрствование, на место слова – образ, на место внешнего – внутреннее, на место культуры – культ» (Ростова, 2007. С.106).

Занимая промежуточное положение между смеховым миром и церковным укладом, играя роль «не от мира сего», человек совмещал в себе черты мистичности и святости, парадоксальности и разумности, иллюзии и реальности, игры и конкретного действия. В обыденном сознании юродивый ассоциируется с обыкновенным «дурачком», имеющим душевное или телесное убожество. Но в то же время общество именно блаженным разрешало «ругаться миру», не почитая место и время, - так Дмитрий Ростовский в «Четьи mineях» регламентирует данную привилегию. Презрение к общественным приличиям и является привилегией и непременным признаком юродства. Добровольное принятие на себя тягот и жизненных лишений, готовность к постоянным издевкам, пинкам и поношениям юродивым дает право обличать всех и каждого.

Нередко сознательно выбранное пародийное действие, разыгрываемое юродивым, является способом образумить общество, акцентируя внимание на неблаговидности поступка или события (затейная драка, выкрики в толпу непристойностей, глумление над святынями, соблазнительные действия).

Юродство – игра с обществом, актерство, принятие временной «чуждой личности», так как наедине с собой юродство теряет свою ценность. В толпе оправдано «глумление», безумство поступков, безудержность эмоций. Толпа, зритель выполняет свою отведенную роль, народ становится ведомым персонажем, реагирующим и действующим по заранее спланированному действию, сценарию. Речь, поступки, костюм блаженного (нагота) ставят перед обществом проблему выбора. Нагота в мороз символизирует с одной стороны чистоту и неприязнательность, презрение к тленной плоти (праведный путь бытования), а с другой - имеет смысл безнравственности, прелюбодеяния, дьявольского начала. Без зрителя юродство теряет свою значимость, важность и самооценку. В толпе юродивый реализует свою цель, он режиссер, устанавливающий правила, он ведущий своей игры как жизненной стратегии, превращающей толпу в марионетку.

Выполняемые действия, выступление с определенной ролью, с одной стороны должны рассмешить публику, но как правило отражаются не столько в релаксации зрителя, его расслаблении и довольствовании, сколько заставляют посмотреть на некую проблему, грань бытия через сокровенное, «душевноспасительное». «Рыдать над смешным – вот благой эффект, к которому стремится юродивый» (Панченко, 1984. С. 92).

Амбивалентное начало в поведенческой игре юродивого сочетает бессознательное лицемерие с открытым отрицанием принятых основ, страдание с комической самокритикой, сакральность с гротескной клоунадой. Толпа, оказавшись вовлеченной опосредованно в действие, через мимику, жесты, выкрики, парадоксальные фразы, как бы оказывается в другом измерении, окружающем пространстве, в царстве Абсолюта. Юродивый вбирает в себя и высказывает не частную, субъективную точку зрения, определенную мысль, а некий целый пласт общих дум, чаяний и надежд толпы, он собой «олицетворяет душу народа». «Лишая центр своей личности «я» и ставя на его место Бога, юродивый отказывается от индивидуальной, субъективной точки зрения и, выходя за рамки психологизма, встраивает свой взгляд в пространство мистерии, имеющей дело с целым, а не частностью, с «мы», а не с «я» (Успенский, 1985. С. 332). Устанавливая противоречивые игровые связи с толпой, юродивый совмещает в себе две роли: персонифицированность личного спасения и общественное служение на благо общества.

Эпатируя, юродивый несет на себе бремя укора, через постижение и выражение духовной свободы, сознательное отрицание эстетически прекрасного, цельного и гармоничного. Играя роль героя-обличителя реальности, акцентируя на мнимых ценностях, юродивый своей самопрезентацией стремится к самораскрытию в человеке апофатичных категорий.

Этический потенциал любого игрового действия строится на соблюдении правил с одной стороны и в тоже время любая игра поддерживается нестандартными решениями, т.е. отходом от установленных законов. Избирая путь юродства, человек получал стереотип действия, сценарий жизни: «ругаться суетному и горделивому миру». Он стремится возбудить толпу, через гротеск действия, слова балансирует на грани комического и трагического, поучая через смех и издевки. Толпа реагирует быстро и непосредственно эмоционально, дидактический принцип юродивого через крайности открыть истину, презентовать несовершенство мира и человека, величие и силу Господа. Сознательное уподобления себя со спасителем, безропотное принятие побоев, упреков и насмешек, принятые правила жизни-игры под названием «юродство». Нагие или в рубище, просящие милостыню, а затем ее тут же раздающие, «немые» или навязчиво повторяющие слово, фразу со смыслом и без, бесцельно блуждающие по городу или своими действиями пророчащие беду.

Юродивый мистичен, поливая водой дом, одежду окружающих, предвеляя пожар следующей ночью, заранее предрекая болезнь, беду или несчастье окружающим, предостерегающий прохожего-зеваку от кражи, обмана. Он существует одновременно в двух мирах: реальном и условном (иллюзорно-мистичном). Реальность действия предстает в виде выполнения конкретных действий, совершаемых в реальном времени, но для решения поставленных задач в действительности используется некая степень условности, иррациональности, приходящей из мира фантазий и иллюзий.

Жизнь юродивого предъявлена двуплановостью, игровым действием, который и расслабляет, и держит в тонусе, забавляет и учит, в ней нет стеснения, и за нее, как правило, не нужно отвечать в реальной жизни. Она противостоит серьезности, но достаточно вспомнить сюжеты из жизни Василия Блаженного, Прокопия Устюжского, Прокопия Вятского, Ивана Корейши и др., где рационально и целенаправленно разыгрывается каждый ход, т.е. представляются свои поступки не как забава, а как солидное занятие.

Нередко в публикациях (Панченко, 1984) юродство противопоставляется европейскому шутовству, ведь данные явления роднят неприкосновенность со стороны закона и провокация толпы на смех. Шут – особа коронованная, шутовской колпак, как корона, вывернутая наизнанку, олицетворяет внутреннюю сторону власти, ведь нередко исторические случаи наставничества, советничества, выполняемые шутами при европейских дворах. Будучи мудрым прагматиком, сочетая живость ума с аллегорией остроумия, шут озвучивает правду. Выступая в роли дурака, критикуя сильных мира сего, он наставляет и поучает житейской мудрости через гротескность действий и образность произносимых слов. Шут, как правило, неплохо образован, ценит ум, высмеивает глупость и пороки, он «лечит пороки смехом». Юродивый обычно презирает ум, руководствуясь религиозным тезисом: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (Библия, Новый Завет. 1 Кор. 3:19). Следуя сакральной доктрине, юродивый презентует идею: все, что считается мудростью в мире, оказывается безумием с точки зрения Творца. Жизнь по закону Божьему, праведнический путь предстает через антиэстетизм жизни. Опровержение общепринятого идеала красоты, возвеличивание безобразного в разряд положительного, нивелирование прекрасного ради этического – цель юродства. Презентация себя через лохмотья одежды, довольствование всяким углом для жизни (подчас в собачьей конуре или канаве), пренебрежение к пище, комфорту и самой жизни – технология жизненной

игры, именуемой юродством, которая держится на зрелище и имеет, прежде всего, показательный характер.

Но юродивый, как и шут, имеет право говорить с сильными мира сего. Образы Василия Блаженного, Иоанна Московского (Большой колпак), Николы Псковского и других, зафиксированные Н.М. Карамзиным в *Истории государства российского*, указывают на факт, что юродивые не только пользовались неприкосновенностью знати, но и их советы нередко принимались к сведению (Козлов, 1989).

Сознательно уподобляясь в своих действиях любимым в народе скоморошьям глумам, юродивый целенаправленно учит через увеселение, гротескность смеха. Совмещая в своих действиях черты народной скоморошьей культуры и культа святости, он, балансируя на грани комического и трагического, благочестивого и релаксационного, смехового и официального, дидактически поучает, разыгрывает оппозиционные и свободолобивые настроения в народе. Исторически сочетая в себе черты православной духовности и языческой мистерии, юродство обнажало проблемы и в то же время нивелировало их, превращало в фарс, помогало перетерпеть тяготы и невзгоды существования.

Таким образом, юродство – осознанно выбранный образ, реализация устоявшейся поведенческой идентификации, выполнение регламента правил, игра на узнавание в толпе, нивелирование своего я, полное самоотречение через эпатажное действие, притворное безумие, желание скрыть свое совершенство под «маской», способ отречься от себя и приблизиться к Богу.

Список использованной литературы

- Библия, Новый Завет. «Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам».
- Козлов В.П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников /Отв. ред. д-р ист. наук В. И. Буганов. АН СССР. М.: Наука, 1989. 224 с.
- Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72-153.
- Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип / Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 11(74). Серия «Гуманитарные науки» (философия). С.105-111.
- Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 326-336.

Рецензент статьи: доктор философских наук, профессор Уральского государственного лесотехнического университета И.В. Назаров.